

М. И. СТЕБЛИН-КАМЕНСКИЙ

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ О СТРУКТУРАЛИЗМЕ

Выясняя, что такое структурализм, мне кажется, надо прежде всего отказаться от господствовавшей долгое время в нашем языкознании практики, которая заключалась в том, что это лингвистическое течение рассматривалось как философская система. Говорили о том, например, что структурализм «отрывает» что-то от чего-то (все равно, что от чего — диахронию от синхронии, звук от значения, фонетику от фонологии, морфологию от синтаксиса, и т. д.) и что, следовательно, структурализм — это «метафизика» и «идеализм», а тот, кто выдвигает такое обвинение против структурализма, в силу этого (и, увы, часто только одного этого) «диалектик» и «материалист». Совершенно очевидно, что такого рода обвинения можно выдвинуть против любого лингвиста и в еще большей мере против любого математика, поскольку вся математика основана на «отрыве» от материи.

Прежде всего, думаю, надо признать, что структурализм — это течение в языкознании, а не философская система и что, следовательно, оценка структурализма должна основываться на роли этого течения в развитии языкознания как науки. Даже если тот или иной представитель лингвистического структурализма и высказывается в чисто философском плане, это не определяет роли соответствующего течения в развитии науки, точно так же как философские взгляды Шахматова или Пешковского и их пресловутый «идеализм» не определяют роль этих ученых в разработке вопросов синтаксиса в русской и советской науке.

Вместе с тем, выясняя сущность данного научного течения, следует, по моему мнению, стремиться найти то, что в какой-то мере характерно для всех его разновидностей и всех его представителей. Нельзя, как это часто до сих пор делалось, выхватывать высказывания одного из представителей того или иного течения или одно из проявлений последнего и выдавать их за сущность всего направления в целом. Так, очевидно, нельзя считать сущностью структурализма, например, те или иные высказывания Л. Ельмслева — наиболее крайнего из современных лингвистов-теоретиков, точно так же как нельзя считать сущностью структурализма тенденцию к терминологическим излишествам — тенденцию, которая является естественной болезнью всякой науки в период методологических исканий и которая особенно естественна в такой неупорядоченной в терминологическом отношении науке, как языкознание.

Из сказанного следует, что структурализм — это вовсе не какая-либо законченная система взглядов. В самом деле, если попытаться выделить то основное, что присуще концепциям лингвистов, причисляющих себя к структурализму, то станет очевидно, что структурализм — это все оригинальные методологические искания последних тридцати лет в области языкознания и что все эти методологические искания исходили из одних и тех же чрезвычайно общих и элементарных положений, которые сводятся к следующему: во-первых, язык — это система и должен исследоваться как система; во-вторых, исследование си-

стемы языка в определенный момент его существования не должно подменяться исследованием его истории; в-третьих, предметом языковедческого исследования должен быть именно язык, а не что-либо другое.

Едва ли найдется в наше время лингвист, который стал бы всерьез оспаривать какое-либо из этих положений. В течение последних десятилетий у нас в Советском Союзе не раз появлялись статьи, в самых заголовках которых утверждалось, что язык — это система. Не случайно слово «система» почти превратилось в трудах наших лингвистов в слово, лишённое лексического значения. Уже почти невозможными (слишком прямолинейными) становятся выражения типа «в русском языке», «в немецком существительном» и т. п. и обязательными становятся: «в системе русского языка» (или, для разнообразия, «в структуре русского языка»), «в системе немецкого существительного» и т. д. Никто в нашей стране не станет, конечно, оспаривать и того, что история языка и его синхронное описание — это разные вещи. Не случайно у нас появляются чисто описательные по своим установкам грамматики и даже ставился вопрос о методике их составления. Никто не станет оспаривать и того, что предметом языкознания должен быть именно язык. Ведь борьба с наследием марризма в значительной степени и сводилась к утверждению необходимости сделать язык и закономерности его развития (так называемые «внутренние законы») самостоятельным объектом научного исследования.

Но признание этих элементарных принципов еще не есть структурализм. Структурализм начинается там, где эти принципы не остаются декларативными, а кладутся в основу методологических исканий и где из этих принципов делаются те или иные выводы. Отсюда ясно, что для того чтобы дать исчерпывающую характеристику структурализма, надо было бы описать все многообразные методологические искания в области языкознания, имевшие место за последние 30 лет. Сделать это в журнальной статье, конечно, невозможно. Ведь структурализм — это и пражская фонология, и работы ряда непосредственных учеников Ф. де Соссюра, и глоссематика Л. Ельмслева, и американская дескриптивная лингвистика во всех ее разновидностях.

Элементарные положения, о которых говорилось выше, а также некоторые связанные с ними или вытекающие из них, как, например, противоположение языка и речи, были, как известно, с исключительной остротой сформулированы Ф. де Соссюром в его «Курсе общей лингвистики». Именно благодаря соссюровской формулировке эти элементарные положения стали обязательной основой всех новых методологических исканий в языкознании. Поэтому без преувеличения можно сказать, что по силе влияния, оказанного им на развитие языкознания, с Соссюром едва ли может сравниться какой-либо другой ученый в истории языкознания. К сожалению, у нас до сих пор интересовались не столько ролью Соссюра в развитии методов лингвистического исследования, сколько тем, что он «оторвал» что-то от чего-то (например, язык от речи, диахронию от синхронии, а до 1950 года у нас утверждалось также, что Соссюр «оторвал» языковую надстройку от ее материального базиса) и, следовательно, был «метафизиком» и «идеалистом».

Наиболее очевидны теоретические основы новых методологических исканий в области звуковой стороны языка. Вся современная фонология, или фонемика, в истории которой период деятельности пражского лингвистического кружка был наиболее блестящей страницей, совершенно явно имеет своим исходным пунктом понятие с и с т е м ы фонем или понятие фонемы как элемента с и с т е м ы. Заслугой пражских структуралистов — Н. С. Трубецкого и его соратников, деятельность которых

так долго замалчивалась у нас, и является то, что благодаря их работам понятия системы фонем и фонемы как элемента системы вошли в обиход мировой науки и были использованы сотнями ученых в конкретных исследованиях звуковой стороны различных языков мира. Именно в области фонологии анализ, абсолютно свободный от структуралистских принципов, стал в сущности вообще невозможным. Но, конечно, вполне естественно, что хотя Н. С. Трубецкой и дал в своих «Основах фонологии» глубоко продуманную методологию анализа звуковой стороны языка, ни он, ни пражская фонология в целом не сказали последнего слова в этой области. Многое в фонологии (и, в частности, сами критерии фонологического анализа) продолжает быть предметом споров, и между современными теоретиками-фонологами существует ряд существенных разногласий.

Важную роль в развитии фонологии безусловно сыграло и сосюррианское противопоставление диахронии и синхронии. Именно благодаря ему стали актуальны чисто синхронные исследования фонологических систем языков мира. Однако часто забывают, что структуралистское движение с самого момента своего возникновения внесло существенную поправку в сосюровскую антиномию. В то время как де Соссюр отрицал системный характер диахронических изменений и находил систему только в синхронии, уже в Первом манифесте структуралистов, с которым они выступили в 1928 г. на Первом международном лингвистическом конгрессе в Гааге, было указано на необходимость признания системного характера диахронических изменений. Эта структуралистская поправка к Соссюру была по существу, конечно, лишь выводом из идей самого Соссюра о языке как системе. То, что он не сделал этого вывода, имело свое историческое объяснение: диахронические исследования в том виде, в каком они практиковались при Соссюре (я имею в виду исторические фонетики младограмматиков с характерным для них распылением звуковых изменений на бесчисленное количество не связанных между собой актов), были действительно прямым и полным отрицанием системного характера диахронических изменений. Принципы структуралистской исторической фонетики, или «диахронической фонологии», были разработаны позднее в работах Р. Якобсона, А. Мартине, А. Одрикура и некоторых других лингвистов и применены в ряде конкретных исследований¹. Пожалуй, ни в одной области языкознания новые методы исследования не были так плодотворны, как именно в «диахронической фонологии».

Основное положение «диахронической фонологии» (т. е. признание системного характера диахронических изменений) высказывалось позднее и в нашей науке². Однако, к сожалению, в конкретных исследованиях почти никто не решался применить этот структуралистский принцип, и, поскольку историческая фонетика старого типа явно изжила себя, изучение звуковых изменений стало у нас одной из наименее популярных и наиболее отсталых областей языкознания. Характерно, например, что из сотен защищенных в последние десятилетия диссертаций по гер-

¹ См.; R. Jakobson, *Prinzipien der historischen Phonologie*, «Travaux du Cercle linguistique de Prague», 4, 1934, стр. 247; A. Martinet, *Rôle de la corrélation dans la phonologie diachronique*, там же, 8, 1939, стр. 273; A. G. Haudricourt, *Quelques principes de phonologie historique*, там же, 8, 1939, стр. 270; см. также A. G. Juillard, *A bibliography of diachronic phonemics*, «Word», vol. 9, № 2, 1953, стр. 198 и A. Martinet, *Économie des changements phonétiques*, Berne, 1955.

² См., например, А. И. Смирницкий, *Древнеанглийский язык*, М., 1955, стр. 5 и сл. (впрочем, и здесь полемика с Соссюром выдается за полемику со структурализмом, хотя ведется фактически с позиций структурализма).

манским языкам, насколько мне известно, только одна посвящена звуковым изменениям¹.

В развитии фонологии важную роль играло, несомненно, и убеждение в том, что необходимо устранить из языкознания все, что не является языком, т. е. системой. Ведь именно этим обусловлено характерное для структуралистов требование отделения фонологии как науки о системе фонем от фонетики как науки о звуках речи. Но это требование было, конечно, в то же время требованием главенства фонологии над фонетикой, и поэтому оно не могло не привести к тому, что фонетика оказалась поглощенной фонологией или растворенной в ней и что фактически двух наук все же не получилось.

Успешная разработка структуралистских методов анализа звуковой стороны языка стимулировала возникновение науки, в которой данные фонологии используются в морфологическом анализе, т. е. возникновение морфофонии; этим же можно объяснить попытки применения методов фонологии в морфологии. Если звуковая сторона языка сводится к более или менее стройной системе очень небольшого числа элементов и именно благодаря этому поддается точному анализу, то нельзя ли усмотреть аналогичную структуру и в области языкового содержания, в частности — в области грамматических значений? Такая мысль приходила в голову многим. Так, например, в очень абстрактных и терминологически трудных работах главы копенгагенской школы структуралистов Л. Ельмслева основным, пожалуй, и является то элементарное положение, что структуры «выражения» и «содержания» в языке параллельны и что как в том, так и в другом есть формальная сторона, представляющая собой систему, которая и должна быть объектом языкознания.

Характерно, однако, что Л. Ельмслев ограничивается очень хитроумными, но чисто умозрительными схемами и не пытается применить свои теории в конкретных исследованиях (если не считать его работы о категории падежа, о которой см. ниже). Что же касается очень немногочисленных попыток конкретного исследования у последователей Л. Ельмслева, то за терминологическими ухищрениями в этих работах трудно обнаружить что-либо методологически новое². Опровержением теории Л. Ельмслева является, таким образом, не то, что она «отрывает» что-то от чего-то, но то, что она не помогает конкретным исследованиям.

В области грамматики такое понимание структуры языка приводило к попыткам найти систему «общих» значений грамматических форм³. Однако при всем остроумии некоторых из этих попыток для всех их характерно более или менее произвольное втискивание фактов в априорную схему. Системы, аналогичной системе фонем, в области грамматических значений явно не получалось. Структура языкового содержания оказывается во всех случаях настолько более сложной, чем структура языкового выражения, что параллелизм между этими структурами удается доказать только ценой насилия над фактами.

В связи с этим стоит и вопрос о применении математических методов исследования в грамматике как науке. Если грамматический строй есть система и если теорией систем занимается математика, то естественно

¹ См. Я. Б. К р у п а т к и н, Стяжение дифтонгов *ai, au* в западногерманских языках. Канд. диссерт., Харьков, 1955.

² См., например, L. Flydal, *En språklig analyse av norske boktitler 1952*, Bergen, 1954.

³ См., например: L. Hjelmslev, *La catégorie des cas. Étude de grammaire générale*, «Acta jütlandica»: VII, 1 — 1935 и IX, 2 — 1937; R. Jakobson, *Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre (Gesamtbedeutungen der russischen Kasus)*, «Travaux du Cercle linguistique de Prague», 6, 1936, стр. 240; V. Brøndal, *Præpositionernes teori (Indledning til en rationel betydningslære)*, København, 1940.

предположить, что математические методы исследования применимы и в грамматике, и, разумеется, превращение грамматики в науку, опирающуюся на математические вычисления, или точную науку, можно было бы только приветствовать. Но все дело в том, такими ли системами, какой является язык (и, в частности, его грамматический строй), занимается математика и, следовательно, применима ли математика к таким системам, какой является язык? Во всяком случае, попытки применения математических методов в грамматике сопровождаются, как правило, таким количеством оговорок или поправок, апеллирующих к тому, что не поддается контролю математики, что напрашивается вывод: если в принципе применение математических методов в грамматике и возможно, то практически оно пока что ничего не дает¹.

Для структуралистской грамматики всегда была важной проблема последовательного разграничения диахронии и синхронии. Эта проблема стала едва ли не центральной для американского структурализма или так называемой «дескриптивной лингвистики». Последняя возникла на базе изучения многочисленных американских языков, доступных для описания только в синхронном плане (поскольку прошлые этапы развития этих языков не зафиксированы в памятниках) и плохо поддающихся описанию старыми методами. Дескриптивисты стремятся освободиться от старых методов и создать новые, обеспечивающие более последовательное и полное описание языка. Это объясняется, в частности, тем, что в указанных методах обычно есть известный отзвук диахронической точки зрения. Так, когда говорят, например, что «такая-то форма образуется от такой-то исходной формы посредством такого-то процесса», то как бы подразумевают развитие от исходного к производному.

Чтобы избежать этого, дескриптивисты предлагают, например, анализировать английскую форму *took* (в традиционном описании — прошедшее время от глагола *take*, образованное посредством внутренней флексии) как вариант морфемы *take* + нулевой вариант морфемы *-ed*, или как вариант морфемы *-ed* + нулевой вариант морфемы *take*, или как прерывный вариант морфемы *take* + инфиксированный вариант морфемы *-ed*, или как слитное выражение морфем *take* и *-ed* и т. д.² Против каждого из этих методов анализа можно, конечно, выдвинуть возражения (можно, например, указать на то, что в форме *took* явно нет двух последовательных значащих элементов, или что элементы значения в нем явно не распределяются линейно, и т. д.). Однако анализы эти приведены здесь не для того, чтобы их опровергать. Дело в том, что методы, разрабатываемые дескриптивистами, отнюдь не составляют чего-то целого и законченного. В частности, для дескриптивистов как раз характерна множественность предлагаемых решений, которую хорошо иллюстрируют приведенные выше анализы. Что из методов, разрабатываемых дескриптивистами, оправдывает себя в конкретных исследованиях, пока еще неясно. Однако бесспорно положительным является то, что в процессе разработки этих новых методов заметными становятся непоследовательность и ограниченность старых методов синхронного описания.

Важную роль в структуралистской грамматике играло и продолжает играть требование устранения из грамматики всего, что не является

¹ См., например, статью З. С. Харриса (Z. S. Harris, *From phoneme to morpheme*, «Language», vol. 31, № 2, 1955), где предлагается в принципе математический метод морфемного анализа, основанный на том, что границы между морфемами, как правило, совпадают с максимумами в количестве возможных фонем в данном положении.

² См. Ch. Hockett, *Two models of grammatical description*, «Word», vol. 10, № 2—3, 1954.

языком, или, поскольку язык — это система, всего, что не входит в систему, которую представляет собой язык. Это совершенно законное в своей основе требование распространилось прежде всего на значение в широком смысле. Ведь именно через посредство значений слов или грамматических форм в язык оказываются в какой-то мере включенными все содержание сознания и вся отраженная в сознании действительность, и тем самым границы того, что должно изучаться языковедением, становятся очень расплывчатыми.

Требование устранения значения из грамматического анализа характерно больше всего для американских дескриптивистов-дистрибуционалистов, т. е. сторонников сведения описания грамматических элементов языка к описанию их распределения в речи. Это требование, которое нашло выражение еще в работах Л. Блумфилда¹, принято расценивать как отражение бихевиоризма в языковедении и критиковать с этой точки зрения. Однако это требование имеет, мне кажется, гораздо более глубокие и, конечно, сосюррианские корни. Характерно, с одной стороны, что подобное же положение выдвигает и Л. Ельмслев² и, с другой стороны, что современные американские дескриптивисты критикуют Л. Блумфилда как раз за его бихевиоризм³. Но вопрос, существенный для языковедения, заключается, конечно, не в том, каковы теоретические корни этого требования, а в том, удастся ли кому-либо в своём конкретном исследовании действительно его удовлетворить. Устранение значения в работах дистрибуционалистов иллюзорно: хотя критерий значения не используется ими открыто, в скрытом виде он постоянно применяется⁴.

Таким образом, происходившие в течение последних тридцати лет искания новых методов лингвистического исследования отнюдь не привели к какой-то законченной и общепринятой системе взглядов. В анализе некоторых сторон языка, и прежде всего в анализе его звуковой стороны, они дали бесспорно положительные результаты; в анализе других его сторон такие результаты, по-видимому, еще не получены. Тем не менее даже и в случаях, когда эти искания не имели бесспорно положительных результатов, значение их для развития языковедения заключалось в том, что они заставляли критически пересматривать старые догмы и способствовали осознанию несовершенств старых методов лингвистического исследования. Поэтому было бы крайне печально, если бы дискуссия по вопросам структурализма, открытая на страницах журнала «Вопросы языковедения», привела бы к тому, что одна из разновидностей структурализма или определенное отношение к структурализму было бы объявлено догмой. Слишком долго основным, что тормозило развитие нашего языковедения, был догматизм, засилье которого особенно укрепились после лингвистической дискуссии 1950 г., когда в теоретическом плане основным жанром стали работы, посвященные изложению или иллюстрации той или иной догмы и когда выработался специфический жанр теоретической работы, а именно жанр «задач», т. е. работы, в которой в порядке ведомственного циркуляра одни благосклонно поощрялись, а другие голословно осуждались и давался школярский перечень рекомендуемых тем. Мы нуждаемся, очевидно, не в том, чтобы такое засилье догматизма возродилось. Мы нуждаемся в творческой разработке методов лингвистического анализа.

¹ См., например, L. Bloomfield, Language or ideas, «Language», vol. 12, № 2, 1936.

² См., например, L. Hjelmslev, Omkring sprogteoriens grundlæggelse, København, 1943, стр. 71.

³ См. R. Wells, Meaning and use, «Words», vol. 10, № 2—3, 1954.

⁴ См. статью Фрея (H. Frei, Critères de délimitation, там же), где содержится острая критика дистрибуционалистов с этой точки зрения.